

В. В. ЧУБАРОВА

МЕСТО И РОЛЬ ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

В XVI-XVII вв. в среде шляхты возник миф о Польше как форпосте Европы, защищающем её от угрозы с востока. Разделы Польши способствовали трансформации представления о ее роли: появился образ «Христа народов» – нации, от чьего воскресения зависит будущее Европы. Впрочем, была и противоположная идея – об отсталости страны, необходимости догнать в развитии западные страны. Обретение независимости во многом актуализировало давние мифы – Польша снова виделась многим страной с особой для всей Европы ролью. Соответственно, события Второй мировой были восприняты как новая «священная жертва» Польши. Позднее можно видеть преодоление старых стереотипов – страна, отрезанная от Западной Европы политически, всё больше осознаёт культурное единство с ней.

Ключевые слова: Польша, идентичность, Европа, Центральная Европа, национальные мифы, европейская идентичность, история Польши.

Как и для других стран Центральной и Восточной Европы, для Польши вопрос о принадлежности к Европе как таковой и о собственной роли в ней всегда стоял очень остро и был одним из ключевых в формировании национальной идентичности. В этой статье мы вкратце представим историю трансформации представлений об этом в Новое и Новейшее время – до 1989 года. Более поздний период заслуживает отдельного рассмотрения, здесь мы коснёмся его лишь вкратце. Подчеркнём, что нас интересуют не некие «объективные» критерии принадлежности к Европе и соответствующие выводы о «европейскости» поляков, а их собственные взгляды, роль и содержание понятия «Европа» как ментальной категории. Речь пойдет в основном о видении проблемы политической и интеллектуальной элитой, поскольку достоверных данных о представлениях основной массы населения нет.

В Средние века понятие «Европа» было в принципе тождественно понятию «христианский мир»; в таком ключе понимали его и представители польской элиты. По мнению российской исследовательницы М.В. Лескинен, в Польше такое представление сохранялось по крайней мере до XVI–XVII вв.¹ В этом смысле страна воспринималась безусловно европейской с X в., ведь христианство укрепилось там сравнительно быстро и глубоко. Немаловажно, что это изначально был именно католицизм, поэтому даже после схизмы, когда на Западе стали возникать

¹ Лескинен. 2002. С. 71.

концепции, ограничивающие Европу территорией юрисдикции Римской церкви, Польша без сомнения могла считаться Европой².

Вместе с тем, для стран Западной Европы, где уже тогда возникали первые версии т.н. «европейской идеи», существовали и другие водоразделы. Мы не будем вдаваться в неохватную тему истории формирования понятий «Западная Европа» и «Восточная Европа», которая хорошо освещена в литературе, отметим лишь, что уже на этом этапе разница между ними осознавалась. Иногда она формулировалась в виде глобальной этнолингвистической границы между немцами и славянами, хотя, разумеется, и тогда уже реальная картина была намного сложнее. В концепциях европейского объединения того времени (неслучайно возникавших лишь на Западе) странам востока континента, если они вообще упоминались, отводилась второстепенная роль, они не рассматривались в качестве полноценных игроков на геополитической арене³. Это была периферия, вроде бы безусловно европейская, но вместе с тем – не очень существенная и даже немного опасная своей близостью к краю христианского мира. К Польше, граничившей со схизматиками-православными и долгое время – с язычниками, это относилось в полной мере. Говоря о том, что могло препятствовать формированию «европейской идентичности» у поляков (насколько вообще этот термин применим к Средневековью), интересно привести мнение польского публициста Яна Прокопа. Он обращает внимание на то, что Пясты (за единственным исключением) не принимали участия в крестовых походах, которые он называет «европообразующим котлом»⁴.

Можно сказать, что в Средние века роль Польши в Европе и представления о ней не обладали особенной спецификой в сравнении с другими странами Центрально-Восточной Европы.

Более интересная ситуация сложилась в Новое время. Для Польши переход к нему связан со сменой правящей династии – в XV в. на смену Пястам пришли представители Анжуйской династии, а вскоре на троне укрепились Ягеллоны. Литовский князь Ягелло (Ягайло), впрочем, не только положил начало новой династии, но и стал первым королём объединённой Речи Посполитой, крупнейшего европейского государства, включавшего земли современной Польши, Литвы и Беларуси, а в период наивысшего могущества также часть территории со-

² Фалькович 2004. С. 55.

³ См.: Чубарьян 1987; Борко 2003; Историко-культурные основы. 1992; Миллер 1996; Роксандич 1996; Сюч 1996.

⁴ Prokop 2004. С. 131.

временной Украины и России. XVI–XVII вв. – период наивысшего расцвета Польши (заметим в скобках, что возникшая конфедерация и на западе, и на востоке воспринималась именно как Польша!), и главной её особенностью являлась уникальная в своём роде шляхетская демократия. Подчеркнем, что в этот период сместились на восток и фактические границы страны⁵, и её геополитическая ориентация. Всё это, разумеется, повлияло на положение Польши в Европе и, что особенно важно, представление самих поляков об этом положении.

Рассуждая о специфике развития Польши в сравнении с общеевропейскими тенденциями, немецкий историк Якоб Юхлер пишет, что «в ходе кризисных изменений позднего Средневековья Польша оказалась на значимом месте среди европейских стран, но на таких принципах, которые в значительной степени были устаревшими и делали дальнейшие успехи возможными только в специфических геополитических условиях»⁶. Как подчёркивает Лескинен, «принадлежность к европейскому миру в геополитическом и религиозном смысле не подвергалась сомнению»⁷. При этом, несмотря на то, что Польша перестала быть по-средневековому моноконфессиональной страной (на территории Речи Посполитой проживали и православные, и впоследствии – униаты, и протестанты, а также мусульмане и иудеи), католицизм продолжал играть особую роль в собственно польском самосознании. Важность этого аспекта поддерживалась соседством с мусульманской Турцией⁸. Януш Тазбир, проводя аналогию между «разделением обязанностей» между сословиями и «специализацией» отдельных народов Европы, пишет, что полякам досталась роль воинов, защитников западной цивилизации. С этой ролью связан знаменитый образ форпоста (по-польски — *przedmurze*) Европы⁹. Как пишет польско-американская исследовательница Эва Доманьска, для шляхты была важна идея преемственности с Римской империей, при этом «Польша понималась как *antemurale christianitatis* (форпост христианства). Она была щитом Европы, и поляки воспринимали себя как избранную нацию, чьей миссией была защита Европы от еретиков,

⁵ Впрочем, этот процесс начался раньше: так, Любушская земля отошла к немецким князьям ещё в XIII в., тогда же Пясты начали терять контроль над Поморьем, которое в итоге было утрачено в XVII в. Эти территории снова вошли в состав Польши только в 1945 г. (Тымовский 2004).

⁶ Juchler 1990. С. 56.

⁷ Лескинен 2002. С. 76.

⁸ Тымовский 2004. С. 180; Лескинен 2002. С. 74.

⁹ Tazbir 1986. С. 98-99; Ле Гофф 2008. С. 227; Лескинен 2002. С. 74.

язычников и варваров»¹⁰. Как обосновывает Тазбир, они «полагали, что Польша веками принадлежит общеевропейскому культурному единству, которое ей многим обязано – начиная от военной защиты и кончая литературой, искусством и наукой. <...> так было изначально, с XVI века мы чувствовали себя «европейцами» <...> Хотя фактическое положение на карте континента заставляло нас считаться ещё центрально-восточной частью, цивилизационно мы считали себя соседями Италии и Франции»¹¹. Он также обращает внимание на то, что первое польское наименование жителя Европы («европейане», польск. «Eurorianie») появляется в 1597 г. в стихотворении Себастьяна Клоновича, имеющем антитурецкую направленность¹². Большое значение в польском историческом сознании имеет также победа над турками под Веной в 1683 г., в которой ключевую роль сыграл польский король Ян Собеский. Эта битва считается концом османского наступления в Европе, что позволило полякам видеть себя спасителями Запада. Помимо образа форпоста был и другой – образ «житницы Европы», ведь страна имела огромный аграрный ресурс, и вместе эти два элемента самосознания придавали полякам уверенность в том, что они не просто относятся к Европе, но и играют в ней особую роль¹³.

Разумеется, ключевым элементом польского самосознания в этот период была знаменитая Сарматская теория, или идеология сарматизма, подробно описанная и в отечественной литературе¹⁴. Речь идёт о якобы научно доказанном происхождении польской шляхты от сарматов, при этом такое «благородное» происхождение противопоставлялось грубым корням основного населения и подчёркивалось модой на ориентальный стиль в быту, в одежде, изобразительном искусстве и т.п.

С одной стороны, в теории Польша–Сарматия мыслилась именно как регион Европы. Так, в знаменитом трактате М. Меховского «О двух Сарматиях», написанном в начале XVI века, говорится, что древние выделяли две Сарматии: Азиатскую (на восток от Дона) и Европейскую – от Дона до Вислы¹⁵. По мнению польского исследователя Т. Маньковского, идеология сарматизма «в генетическом и генеалогическом аспектах родилась в результате поисков польским народом

¹⁰ Domańska 2000. С. 254.

¹¹ Tazbir 1998. С. 22.

¹² Tazbir 1998. С. 8-9.

¹³ Там же. .С. 6; Domańska 2000. С. 254.

¹⁴ Лескинен 2002.

¹⁵ Меховский 1936. С. 47.

своего места в европейской культуре»¹⁶. С другой стороны, однако, в реальности такая форма самосознания утверждала в первую очередь исключительность польского народа и отодвигала на второй план представление о европейском единстве.

Вообще период шляхетской демократии в Польше связан именно с подчёркиванием отличий от всех окружающих стран – в первую очередь, в области политического устройства¹⁷. Причём для самих представителей шляхты, как и для патриотической польской историографии, речь идёт именно о преимуществе польского способа государственного устройства. Интересно, что преемственность с Римской республикой, о котором говорилось выше, понималась едва ли не в первую очередь в смысле сохранения демократических принципов¹⁸.

И хотя по сути своей и польская шляхта, и созданная ею система управления имели общеевропейские корни, да и в культурном отношении, как говорилось выше, Польша сохраняла единство с остальной Европой (не говоря уже об экономических связях), носители этих идей подчёркивали именно свою специфику и самобытность.

Периферийность Польши, о которой мы говорили применительно к Средним векам, претерпела двоякие изменения. С одной стороны, она усугубилась за счёт того, что границы польско-литовского государства, а также его геополитические интересы сместились на восток. С другой же стороны, статус Польши в Европе стал выше хотя бы за счёт военной мощи (особенную роль здесь сыграла победа в Грюнвальдской битве в 1410 г. и уже упоминавшаяся победа под Веной) и размера территории. То есть в какой-то мере эта периферийность не воспринималась как недостаток, как проблема. Напротив, Польша пыталась сформировать новый культурно-политический центр континента, и гегемония на востоке Европы была теперь куда важнее, чем «вливание» в западное единство. В глазах Запада «европейскость» Польши была сомнительной ещё и потому, что «правильным» христианским королям был предпочтён Ягайло, недавний язычник¹⁹. Пока на Западе (да и в соседней Чехии) разрабатывались многочисленные проекты европейского объединения, польскую элиту намного больше занимало идеологическое обоснование своего обособления от соседей. Конечно, шляхетская «мания величия» вовсе не исключала европейскую идентичность в форме европоцен-

¹⁶ Цит. по: *Лескинен* 2002. С. 50.

¹⁷ *Лескинен* 2002. С. 54-56.

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ *Goliński* 2004. С. 35.

тризма – при таком подходе поляки (точнее – польская элита) оказывалась как бы избранным среди народов лучшего континента²⁰. В таком контексте противопоставления «цивилизованной», «прекрасной» Европы и «дикой» Азии, европейская идентичность сохраняла своё значение для поляков – об этом свидетельствуют высказывания о Европе польских деятелей того времени²¹. Рассматривая деятельность польских литераторов и их известность в общеевропейских культурных кругах, а также их оценку собственную достижений, Тазбир приходит к выводу, что польская «интеллектуальная элита XVI века была убеждена не только в том, что её родина является неотъемлемой частью Европы, но и в том, что у неё есть “собственный облик, своя специфика, которую не надо стыдливо прятать”»²².

Впрочем, в некотором противоречии между европейской идентичностью польской элиты и её изоляционизмом есть и момент исторической динамики: «переход к замкнутости и враждебности по отношению к другим народам, живущим вне Польского государства, произошёл в первой трети XVII века, а в период экономической и политической стабильности Речи Посполитой польское общество было открытым»²³. Такое обособление страны изнутри вызывало и ответную реакцию в Европе, порождая (в сочетании с пограничным статусом, близостью к Востоку) образ Польши как страны варварской и необразованной, что, безусловно, сыграло позднее свою роль в обосновании разделов страны.

В XVIII в. нетипичность для Европы польского государственного устройства и разделы Речи Посполитой (в 1772, 1793 и 1795 гг.) привели некоторых польских деятелей к интересным аналогиям с завоеваниями европейцев в Новом свете. Если в XVI в., во время триумфальных походов польских войск на Москву их участники ассоциировались с воинами Кортеса, а жители Московского царства – с варварскими народами, которым несут свет цивилизации, то теперь картина поменялась: завоевателями (на сей раз в отрицательном смысле) были разделившие Польшу государства, а сами поляки идентифицировались с храбрыми индейцами, боровшимися за свою свободу²⁴. В каком-то смысле это свидетельствует о переосмыслении собственной принад-

²⁰ *Tazbir* 1998. С. 5.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 15.

²³ *Лескинен* 2002. С. 74.

²⁴ *Tazbir*. 1998. С. 15.

лежности к Европе: если сперва польские интеллектуалы, как об этом пишет Тазбир, с восторгом принимали испанские, португальские, британские завоевания Новом свете, воспринимая их как общеевропейские достижения, то теперь эта европейская солидарность была нарушена тем, что в роли жертв оказались сами поляки. Ведь ещё недавно представители польской элиты были уверены в том, что «раздела Польши Европа не допустит; а вот же и допустила, и утвердила»²⁵. Сделав Польшу объектом, а не субъектом международной политики, Европа как бы исключила её из числа полноценных европейских стран, какой поляки считали свою родину едва ли не со времён первых Пястов. Обида их была тем острее, что в польском национальном самосознании, как мы говорили, существовало представление не просто о принадлежности Польши к Европе, но и об особом вкладе в её культуру и экономику, а также общеевропейские военные успехи.

Вероятно, особенно болезненным было то, что большая часть территории Речи Посполитой оказалась в составе России, которая по всем «традиционным» критериям, указанным выше, имела куда меньше оснований относиться к Европе, чем сама Польша. Впоследствии именно Россия станет главным символическим врагом Польши: «хотя соучастниками польской национальной драмы были три державы, принципы европейской самоидентификации предполагали особую противопоставленность некоей иной, внеевропейской – и здесь ближайшим антагонистом выступает Россия»²⁶. Это наблюдение тем более интересно, что в действительности национальное угнетение поляков в прусском разделе было по крайней мере не меньшим, чем в российском.

В последующие десятилетия произошедшая с Польшей геополитическая трагедия была переосмыслена и способствовала новой трактовке роли страны в Европе. Большую роль в этом сыграл Наполеон, вернувший полякам хотя бы номинальную государственность (Великое Княжество Варшавское, созданное в 1807 г.) и, так сказать, чувство собственной значимости и «оценённости» – вернувший их самих в Европу²⁷. Стоит также подчеркнуть активное участие польских частей в императорской армии, которая была едва ли не главным воплощением единства наполеоновской Европы.

«В этот короткий период, полный бодрости и оптимизма, польская интеллектуальная элита чувствовала себя, как никогда после, ча-

²⁵ Там же. С. 22.

²⁶ Мочалова 2004. С. 138.

²⁷ *Kalembka* 2004. С. 53-54; *Фалькович* 2004. С. 58.

стицей Европы, включённой в ритм её политической и идейной жизни»²⁸. Вот как писал Адам Мицкевич – знаменитый поэт, бывший также и политическим философом: «Чем сильнее Польша чувствовала и разделяла чувство родства с Европой, тем она была счастливее и славнее; чем больше отделялась от Европы, чем очевиднее слабела, а нынешняя её слава свидетельствует о том, что Польша снова сильнейшим образом прониклась европейским духом»²⁹. Впрочем, сам этот «европейский дух» приобрёл специфическое содержание под влиянием философии Просвещения и Французской революции. Сущностью Европы были провозглашены секулярные ценности: свобода личности, равенство сословий, либеральная доктрина государства, богатство страны. Исходя из этого зачастую оценивали место своей страны в Европе и польские мыслители³⁰, однако во многом, как мы увидим ниже, новые идеи вступали в противоречие со столь важными для поляков христианскими идеалами.

Впрочем, анализируя то, как видели место Польши в Европе Мицкевич и другие польские романтики, необходимо учитывать, что значительная их часть жила в эмиграции (особенно после Ноябрьского восстания 1830–1831 гг.). Это привело к несколько парадоксальной ситуации, когда «демифологизация Европы в известной степени осуществляется за счёт усиления идеализации Польши не только как отчизны, но и как жертвы (в политическом, а также – что ещё более существенно – мистическом смысле), и как утраченного рая. Романтики пытаются сохранить в себе Польшу как свою духовную победу над окружающей их Европой»³¹.

В эту эпоху (и сразу после разделов, и после наполеоновских войн) важным образом для польского самосознания, в каком-то смысле, пришедшим на смену национальным мифам эпохи шляхетских вольностей, стал образ «Христа народов»³² – нации, безвинно пострадавшей за других, преданной и растерзанной «своими». Хотя это не всегда говорилось буквально, под «своими», ради которых страдает Польша, подразумевалась именно Европа³³. Возрождение польской государственности, которого так чаяли многие поляки, так или иначе трактовалось как «воскресение» этой жертвы, необходимое не только

²⁸ *Jedlicki* 2002. С. 45.

²⁹ *Polska refleksja* 2007. С. 139.

³⁰ *Филатова* 2004. С. 147.

³¹ *Мочалова* 2004. С. 135.

³² *Domańska* 2000. С. 255.

³³ *Jedlicki* 2002. С. 91; *Мочалова* 2004. С. 135.

ей, но и её мучителям. Вот как, например, пишет об этом участник Ноябрьского восстания Мауриций Мохначки: «...одно только воскрешение всей Польши способно изменить современное политическое устройство Европы, противное природе и противоречащее благу человечества»³⁴. Не менее ярко высказывается и Мицкевич: «Народные массы по всей Европе инстинктивно чувствовали, что польский вопрос – это вопрос европейский. <...> воскресение Польши было бы ознаменованием нового политического порядка, как воскресение Христа»³⁵.

Польский мессианизм, особая роль Польши для Европы, какой её видели многие польские патриоты, выражается отчасти и знаменитым лозунгом повстанцев: «За вашу и нашу свободу!» (формально, впрочем, адресованном не Западу, а России). Вот ещё одна яркая цитата из Мицкевича: «Воскресшая Польша должна заново сплотить народы [Европы] свободой. <...> Польша говорит народам: “Бросьте все местные интересы и идите за свободой. Палаты и бюджеты, торговля и сельское хозяйство – всё придёт само, а наперёд только о свободе надо думать”»³⁶.

Другой аспект роли Польши в Европе, актуальный и в предшествующие века, органично «вписывается» в новый образ — речь идёт о функции «форпоста», т.е. о защите Европы от «варварского востока» (под которым с определённого момента понимается в первую очередь Россия)³⁷. Так, например, ещё в 1807 г. Епископ Я.П. Воронич писал, что «Польша за Европу тонула в крови, а Европа за её спиной в безопасности совершенствовала свой свет и выгоду»³⁸. Один из лидеров Ноябрьского восстания, Людвик Мирославски, пишет о том, что и покорённая Россией Польша остаётся щитом для Европы, но Западу стоит помнить, что в перспективе Польша может, напротив, стать невольным орудием для завоевания Европы Романовыми³⁹. Не случайно, что во многих из этих высказываний Европа является не только предметом обсуждения, но и адресатом: формирование европейского общественного мнения было одной из осознанных целей польского национального движения⁴⁰. Таким образом, образ Европы в Польше был своего рода «побочным эффектом» целенаправленного формирования образа Польши в Европе.

³⁴ Цит. по: *Kalembka* 2004. С. 51.

³⁵ *Polska refleksja*. 2007. С. 140.

³⁶ Там же. С. 140.

³⁷ *Domańska* 2000; *Хорев* 2004.

³⁸ Цит. по: *Jedlicki* 2002. С. 75.

³⁹ *Kalembka* 2004. С. 51-52.

⁴⁰ *Фалькович* 2004. С. 58-59.

Очень эмоционален в своих рассуждениях был философ Бронислав Трентовский, писавший в 1840-х гг.: «Польша, хотя и остаётся в кровавых когтях царя и двух его достойных союзников, хотя страдает, стонет и умирает, ещё остаётся крепостью Европы против Азии, борющейся с ней, но уже не железным, а моральным мечом <...> Европа оставила Польшу, использовала Польшу; Польша между тем умирает, под кнутами и в самых ужасных муках, всё ещё за Европу!»⁴¹. У него же можно увидеть, как идея избранничества, особой роли Польши в Европе приводит к мысли о превосходстве, причём в первую очередь – в контексте религиозности. «Со временем между Европой и Польшей возникло большое различие. Цели Европы – блага земные, посюсторонние; Польши – вземные, потусторонние. Европейский дух светский, польский – религиозный. Европейская мудрость смотрит на желудок, польская мудрость – на Бога, человечность, всеобщее благо. <...> Европейский разум погряз в материализме, польский разум имеет характер моральный, богочеловеческий. Польша, и давняя, и нынешняя, это, на самом деле, алтарь Европы... где пребывает Бог»⁴². Идея превосходства Польши над странами Запада, представление об её особой миссии и великом будущем (в религиозной и даже мистической форме) звучит и у З. Красиньского⁴³, и у А. Мицкевича⁴⁴.

Впрочем, многим, напротив, Польша казалась не вполне полноценной частью Европы. По словам историка Е. Едлицкого, в XIX в. польская интеллигенция, которая естественным образом была больше других социальных групп заинтересована в тесных контактах с Западом, «видела свою родную страну бедным и недооценённым пригородом Европы, который испытывает по отношению к хозяйственной и надменной метрополии противоречивые чувства зависти, изумления и недоверия»⁴⁵. «Образованный польский либерал, таким образом, без сомнения относит себя и свою страну к одному из младших классов в европейской школе»⁴⁶. Вот как писал об этом вскоре после восстания польский учёный Д. Крысинский: «Европа смотрит на нас. Именно так. Европа будет нам изумляться, но и судить нас <...>, европейская критика будет обращать внимание на каждый наш шаг, следить за нами и оценивать»⁴⁷. Мысль о

⁴¹ Polska refleksja. 2007. С. 145.

⁴² Там же. С. 146.

⁴³ Мочалова 2004. С. 141.

⁴⁴ Филатова 2004. С. 151-152.

⁴⁵ Jedlicki 2002. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 46.

⁴⁷ Там же. С. 46-47.

недооценённости Польши в Европе, необходимости показать себя, присутствует и у литераторов – например, у Ц. Норвида⁴⁸. Впрочем, этот комплекс, вероятно, уходит корнями в более раннюю эпоху⁴⁹. Своего рода гиперболой этого «комплекса недоевропы» можно считать отнесение Польши к Азии – очевидно, риторический приём: так, например, поэт-эмигрант З. Красинский в 1836 г. называет сведения, приходящие из Польши, «вестями из Азии»⁵⁰. Принятие Европы за идеал и точку отсчёта, стремление догнать её и доказать ей свою полноценность – с одной стороны и острая критика Европы, представление о моральном превосходстве Польши и её особой роли – с другой сосуществуют не просто в одну и ту же эпоху, но и зачастую у одних и тех же деятелей. Это мнимое противоречие, глубокая амбивалентность, сочетание «мании величия» с «комплексом неполноценности» – типичнейшая черта отношения поляков к Европе. Разумеется, не их одних и не только в XIX в.

С другой стороны, необходимо отметить, что в XIX в. сами споры о Европе, сути европейской идеи приняли вид в первую очередь идеологического противостояния, в котором переплелись социальные и национальные мотивы. Рефлексии поляков об их роли в Европе и о будущем государстве отражают эту тенденцию. Союзниками поляков в борьбе с разделившими их страну государствами (а по сути – с политическим устройством Европы, которое было по нраву всем монархиям) были другие борцы за независимость и национальное воссоединение – участники германского и итальянского национально-демократических движений⁵¹. В каком-то смысле движение «Молодая Польша», созданное в 1834 г. и входившее в состав ассоциации «Молодая Европа», можно считать первым моментом, когда они оказались не объектом, а субъектом развития европейской идеи. Что интересно, лидер «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини, рассуждая о миссии отдельных народов в Европе, отводил полякам роль «распространителей» идей свободы и демократии на востоке континента⁵², что вполне перекликалось с известными нам элементами польского национального мифа. Это было противостояние внутри Европы, которую деятели польского восстания, а впоследствии — эмиграции хотели устроить по своему порядку. В каком-то смысле именно национальные движения XIX века, пиком которых стала Весна народов, сделали национальную идентичность

⁴⁸ Мочалова 2004. С. 132-133.

⁴⁹ Хорев 2004. С. 42.

⁵⁰ Мочалова 2004. С. 137.

⁵¹ Kalembka 2004. С. 55-56.

⁵² Там же. С. 56.

сферой сознательной деятельности не только государственных мужей, но и более широкой общественности. Существенно, что идеи национального возрождения и патриотизма не только не противоречат идее европейской общности, но и имеют с ней, по мнению Едлицкого, общие корни⁵³. Интересно, что среди достижений Польши, которые имеют ценность для всей Европы, зачастую назывались не только военные победы и духовная сила, но и опыт мирного сосуществования народов в рамках Польско-Литовской Унии, уникальный пример добровольного объединения государств, который, по мысли некоторых авторов, мог бы стать прообразом общеевропейского объединения⁵⁴.

В польской публицистике XIX в. заметную роль играли рассуждения об общеевропейском укладе, проблемах Европы и возможных путях их решения, причём не обязательно в связи с Польшей и «польским вопросом». Конечно, не обошла польских деятелей стороной и давняя мечта о «европейской федерации»⁵⁵. Несколько иронично описывая восторги польских интеллектуалов, открывавших для себя в первой трети XIX в. произведения французского просвещения, Едлицкий пишет об образе «нового восхитительного мира, открытого мира, без границ и таможенных застав, Европы от Филадельфии до Вильна, с единой конституцией свободы и независимости народа»⁵⁶. Была, разумеется, и противоположная тенденция – тревога о сохранении культурной самобытности перед лицом универсализации, которая иногда принимала радикально-изоляционистские формы. Самым ярким примером здесь является книга «Голос польского шляхтича», изданная анонимным автором в 1880 г. Само название говорит о консерватизме автора, и чуждое западное влияние (позитивизм, материализм, Дарвин, демократия и т.п.) в его изложении являются не меньшей угрозой для исконной (шляхетской, католической) «польскости», чем московское славянофильство и зарождающиеся марксистские течения⁵⁷. Впрочем, нельзя говорить о том, что в этой работе Запад отождествляется с Европой в целом – и нуждающаяся в защите от тлетворного влияния, Польша остаётся европейской страной, даже если этому факту не придаётся большого значения. В Польше острота вопроса о противопоставлении своей культуры западной была несопоставима с таковой для

⁵³ Jedlicki. 2002. С. 48.

⁵⁴ Филатова. 2004. С. 152.

⁵⁵ Polska refleksja. 2007. С. 129-135 и др.

⁵⁶ Jedlicki. 2002. С. 46.

⁵⁷ Там же. С. 236-328.

русских, турок и др., поскольку здесь «общность с европейским западом составляла неотъемлемую часть родной традиции»⁵⁸.

Необходимо, впрочем, избегать обобщений и иметь в виду, что разделённость Польши в XIX в. – это не только предмет рефлексий интеллектуалов и политических деятелей, но и всё более значимый фактор размежевания. Едлицкий, анализируя дискуссии о европейском прогрессе в польской общественной мысли, особенно после 1848–1849 гг., обращает внимание на то, как различаются интонации деятелей прусского и австрийского раздела, с одной стороны, и российского – с другой. Жители Познани и Кракова, как бы критично они ни были настроены по отношению к своим правителям и Европе в целом, были так тесно связаны с метрополиями – и политически (особенно после реформ), и экономически, и социально, и, что особенно важно, интеллектуально, – что неизбежно говорили о Европе *изнутри*, черпая аргументы и контраргументы в западных работах. Так, например, краковская газета «Час» («Время») в 1870-х гг., пророча гибель европейской цивилизации, говорит не только о традиционной угрозе с Востока (которой, конечно, сами поляки, как неотъемлемая часть Европы, исторически противостоят в первую очередь!), но и о внутренних проблемах, которые представляют опасность для общеевропейского уклада⁵⁹. То есть в основном речь идёт лишь об относительном противопоставлении, «бунте части против целого», который можно было найти и в других странах континента.

В Варшаве же общественная мысль была тесно связана с российской, и, безотносительно оценки, намного чаще о Европе говорилось *извне*, в чём отражались (разумеется, со своей спецификой) классические противоречия западников со славянофилами⁶⁰. Можно предположить, что для поляков российского раздела в их осмыслении своей принадлежности к Европе большее, нежели в Пруссии и Австрии, значение имела эмиграция: в первую очередь политическая (не будем забывать, что два самых масштабных восстания XIX века происходили именно в российском разделе), а позднее также студенты, которые впоследствии оставались на Западе (Мария Скłodовская-Кюри – самый яркий, но далеко не единственный пример). Общее число польских студентов в Западной Европе в период с 1890 по 1914 г., напри-

⁵⁸ Там же. С. 53-59

⁵⁹ Jedlicki. 2002. С. 323-324.

⁶⁰ Там же. С. 195.

мер, оценивают в 25-30 тыс. чел.⁶¹ Вообще значение польской эмиграции как «передового польского отряда, выдвинутого на запад»⁶², в течение всего периода разделов сложно переоценить.

Ближе к началу XX века проблема статуса Польши в Европе приобрела и научное измерение. Так, например, в канун Первой мировой войны историки – представители «оптимистичного направления» развивали подход, фактической целью которого было «доказать общественному мнению Европы, что польский народ способен к государствообразованию и наделён большими дарованиями»⁶³. Подчёркивалось и исторически существующее стратегическое положение Польши как «форпоста западноевропейской цивилизации» и одновременно – посредника между Западом и Востоком⁶⁴.

В целом, в годы, предшествующие Первой мировой войне и во время самой войны, польская общественная мысль (вкуче с дипломатическими усилиями) всё больше сосредотачивалась на конкретных проектах восстановления польской государственности, отодвинув общеполитические рассуждения на второй план. Собственно говоря, именно предчувствие большой европейской войны делало эти проекты реалистичными⁶⁵. «Польский вопрос» приобретал в Европе все большее значение⁶⁶, тем более что в надвигающейся войне поляки оказывались по обе стороны фронта. В идеях послевоенного устройства Европы, как и веком раньше, судьба Польши была одним из центральных вопросов, но в этот раз среди победителей, создававших новую карту, большую роль играли США: важнейшей отправной точкой для воссоздания польского государства (после поражения и распада стран-завоевателей) стал один из «14 пунктов» президента В. Вильсона.

Помимо необходимости воссоздания Польши как таковой, важнейшим вопросом, который обсуждался уже в годы войны, были её границы. Интересно, что польские деятели, настаивавшие на восстановлении государства в границах Первой Речи Посполитой (и даже шире – с включением земель, утраченных ещё в Средневековье), аргументировали это в том числе и общеевропейскими интересами, с классической апелляцией к защите свободы: «Польша без Пруссии, Поморья, Силезии, Подолья, Волыни, Литвы, Латвии, Украины, Беларуси,

⁶¹ Ziejka 1998. С. 24.

⁶² Фалькович 2004. С. 59.

⁶³ Wierzbicki 1978. С. 31.

⁶⁴ Polska refleksja. 2007. С. 154-155.

⁶⁵ Фалькович 2004. С. 60.

⁶⁶ Подробнее см.: Kulak 2004.

которые были исторически связаны с Польшей на протяжении веков, была бы чем-то искусственным. <...> Восстановление исторической Польши принесло бы Европе большую пользу. Такая Польша, площадью 834 280 квадратных километров (с населением 60 миллионов человек на 1914 год) могла бы предоставить девять миллионов солдат для защиты европейской свободы»⁶⁷.

В результате Парижской мирной конференции Вторая Речь Посполита получила, строго говоря, большую территорию, в том числе некоторые спорные земли, на которые претендовали другие государства (не только потерпевшая поражение Германия, но также новоявленные Чехословакия и Литва). Восточная граница, установленная Рижским мирным договором с Советской Россией, тоже знаменовала скорее победу Польши. Однако геополитические амбиции польского руководства (и, вероятно, немалой части общества) по восстановлению былого величия были не вполне удовлетворены. К. Гжибовский пишет, что потерпела неудачу концепция Ю. Пилсудского «Польши от верховья Одера до Двины и Днепра – гегемона Европы между Германией и Россией»⁶⁸. Такая формулировка хорошо отражает тот факт, что европейская идентичность польской политической элиты (по крайней мере, её части) требовала не просто государственности, бытия в качестве полноценной европейской страны, но и одной из ведущих ролей, отсылала к былому величию (и влиянию в Европе – реальному или преувеличенному) шляхетской Речи Посполитой. Впрочем, объяснялось это не только исторической ностальгией, но и более прагматичными причинами: как говорил в 1920 г. М. Здзеховский, «маленькая и скромная Польша» могла бы спокойно существовать в других условиях, но никак не на основном пути с востока на запад, между Россией и Германией⁶⁹.

В реальности Польша, тем не менее, оказалась шестой в Европе (считая и СССР) страной по площади и по численности населения и не избежала обвинений в имперских амбициях. Кроме того, польские политики, в том числе Пилсудский, пытались реализовать различные проекты федерации Центрально-Восточной Европы, из которых самым известным был проект «Междуморья» – блока государств от Финляндии до Румынии, объединённых опасным положением между Германией и СССР⁷⁰. Другие проекты, хотя и имели, как принято счи-

⁶⁷ Polska refleksja. 2007. С. 162-163.

⁶⁸ Цит. по: Hauser. 2004. С. 77.

⁶⁹ Там же. С. 77.

⁷⁰ Hauser 2004. С. 78-83; Polska refleksja. 2007. С. 23.

тать, тактический характер, прямо апеллировали к общему наследию I Речи Посполитой и охватывали соответствующие территории (т.е. меньшее число стран, чем Междуморье)⁷¹. Рассуждения о необходимости политической консолидации народов региона, который начинают обозначать как Центрально-Восточная Европа, можно встретить и позднее в годы Второй мировой войны – например, у экономистов и общественных деятелей В. Старчака и А. Прагера⁷². Эти несколько утопичные проекты критиковались теми, кто осознавал глубину расхождений и конфликтов между странами и подчёркивал, что механистически примириться и объединиться невозможно⁷³. Несмотря на неудачу всех этих начинаний, они важны как попытка реализации Польшей регионального лидерства, на которое она претендовала.

Возможно, отчасти именно эти амбиции помешали Польше активно участвовать в общеевропейских интегративных процессах, которые стали особенно интенсивными после Первой мировой войны⁷⁴. Самым известным проектом того времени стал Панъевропейский союз Р. Куденхове-Калерги, основанный в 1923 г. Сам автор проекта отводил Польше традиционную роль защитника Европы от угрозы с востока (на сей раз – коммунистической), его же польские сторонники (А. Ледницкий, Б. Губерман и др.) акцентировали внимание на экономическом аспекте интеграции⁷⁵. Польская секция при союзе была создана при поддержке правительства, однако скоро ликвидирована: проект был сочтён угрожающим миру в Европе⁷⁶.

Если межвоенное двадцатилетие по самовосприятию польской элиты и её риторике зачастую отсылало к «Золотому веку» Польши, эпохе шляхетских вольностей, то Вторая мировая война и последующий период актуализировали мифы времён разделов и существования народа без государства. Определение немецкой оккупации Польши, с которой началась война как таковая, и последовавшего за ней вторжения советской армии как «четвёртого раздела Польши» стало общим местом. В новой ситуации оказались востребованы два основных образа эпохи разделов и восстаний. Во-первых, это героический и трагический образ самой Польши, снова сражающейся «за вашу и нашу свободу». Изображение страны в качестве мирной и невинной жертвы

⁷¹ Polska refleksja. 2007. С. 21.

⁷² Там же. С. 202-224.

⁷³ Там же. С. 223-235.

⁷⁴ Чубарьян 1987; Борко.2003.

⁷⁵ Polska refleksja. 2007. С. 185-195.

⁷⁶ Там же. С. 20-21.

(при этом – исключение из массового сознания таких нелицеприятных страниц недавней истории, как жестокая пацификация в отношении украинского населения Польши и участие в фактическом разделе Чехословакии) сочетается с идеей польского героизма, непримиримости (ещё и сейчас можно услышать от старшего поколения противопоставление польского мужества, порой безрассудного, прагматичному терпению чехов, интерпретируемому как недостаточная храбрость⁷⁷). Важно, что храбрость эта относится не только к борьбе за собственную страну, но и к активному участию в освобождении Европы в целом – здесь в первую очередь нужно упомянуть битву при Монте-Кассино, занимающую важное место в польской национальной памяти. Эти события «стали важной предпосылкой для поддержания в сознании поляков, а также жителей Западной Европы, памяти о постоянном участии Польши в важнейших для Европы вопросах»⁷⁸.

Во-вторых, военные годы вернули к жизни образ «предательской Европы», которая сперва не предотвратила уничтожение Польского государства, а впоследствии на Ялтинской конференции, не оценив вклада поляков в войну (и пренебрегши довоенными связями, номинально равноправными), согласилась целиком отдать Польшу в зону советского влияния. Само слово «Ялта» является в Польше своего рода синонимом «предательства».

Вскоре после войны Европа, как известно, оказалась разделена «железным занавесом» однако, в отличие от ситуации по итогам разделов, Польша целиком оказалась в сфере влияния восточного соседа. Эта ситуация, связанная с развитием и, так сказать, «материализацией» понятий «Западная Европа» и «Восточная Европа», стала мощным толчком для рефлексий о сущности Европы вообще и роли в ней Польши. Отметим также другой аспект – изменение границ. Земли, оккупированные СССР в 1939 г., были оставлены в его составе (за исключением Белостокской области, большая часть которой была возвращена Польше) – в итоге страна потеряла свыше 50% своей довоенной территории⁷⁹. Зато «взамен» Польша получила земли, в течение долгого времени населённые немцами – север и запад современной территории страны. При этом, как известно, в ходе операции «Висла» немецкое население было полностью выслано из Польши, а на его место приехали поляки с востока. Результатом этого механистического и

⁷⁷ ПМА. 2010.

⁷⁸ *Ziejka* 1998. С. 24.

⁷⁹ *Wrzesiński* 2004. С. 123.

во многом трагического «восстановления исторической справедливости» стало не только то, что Польское государство впервые за долгое время стало практически однородно по своему этническому и религиозному составу, но и то, что границы его заметно сдвинулись на запад. «Ягеллонский вектор» развития Польши был окончательно утрачен и она оказалась на территории, в значительной степени совпадающей с Пястовской эпохой (как уже говорилось выше, отдельные земли из присоединённых в 1945 г. были утрачены Польшей ещё в XIII в., а другие, по мнению некоторых авторов, вообще с большой натяжкой можно считать возвращёнными, поскольку они никогда прежде не были действительно польскими⁸⁰). Парадоксальным образом Польша, оказавшись геополитически отнесённой к востоку, тем не менее, географически «сместилась» на запад, получив в своё распоряжение территории, сохранившие материальные достижения немецкой культуры и экономически более развитые.

Стремления польской элиты, по крайней мере, той её части, которая сохранила преемственность с довоенным устройством, были выражены в довольно идеалистичном заявлении Совета Министров эмигрантского правительства, выпущенного им на исходе войны, в преддверии учреждения ООН: «Польша, которая является неотъемлемой частью Европы, должна получить принадлежащее ей место в новом европейском устройстве, а вопросы, связанные с будущим Польши, должны быть рассмотрены без давления военных обстоятельств в рамках нового мирного устройства Европы»⁸¹. При этом под выражением о «неотъемлемой части Европы» понималась культурная близость именно со странами Западной Европы и идеальным сценарием виделась максимальная интеграция в нее⁸², однако сами понятия «Восточная Европа» и «Западная Европа» были, очевидно, нежелательны для такого дискурса. Зато для противоположного идеологического лагеря, коммунистов, «Восточная Европа» стала удачным решением «проклятого вопроса» о принадлежности к Европе и одновременно – культурным обоснованием политического разделения.

Обусловленная внешнеполитическими и экономическими причинами, а во многом просто насильственная «советизация» Польши и её изоляция от Запада были для прозападной части польского общества, более многочисленной, чем просоветская, тем более драматичной, что

⁸⁰ Polska refleksja. 2007. С. 362.

⁸¹ *Wrzesiński* 2004. С. 116.

⁸² Там же. С. 117.

именно в это время на Западе Европы началась долгожданная политическая и экономическая интеграция, реализация давней мечты о европейском единстве. Публицист-эмигрант Юлиуш Мерошевский с горечью писал, что процесс интеграции стран, находящихся на запад от железного занавеса, вернее было бы называть не объединением, а разделом Европы⁸³. Оторванная от этих процессов, Польша не только лишалась возможности выстраивать новые связи, но и утрачивала старые. Попытки осуществить сближение стран Восточной Европы между собой в противовес СССР – логическое продолжение проектов довоенного и военного времени (а в таком союзе Польша, несомненно, претендовала на ведущую роль) – также потерпели неудачу⁸⁴.

Тем временем, интеграции Западной Европы сопутствовало отождествление её с «Европой вообще»⁸⁵ – в первую очередь, конечно, в глазах самих западноевропейцев и американцев, но неизбежно в какой-то мере также и для жителей Восточной Европы, в т.ч. поляков. Впрочем, изоляция Польши от Запада, столь успешная в политической и экономической сферах, была, несмотря на усилия цензуры, далеко не тотальной в сфере культуры, науки, религии и т.п.⁸⁶ Это во многом и обусловило противоречивое самоощущение поляков: оказавшись политически и экономически за пределами «настоящей», Западной Европы, они продолжали чувствовать себя европейцами⁸⁷.

Помимо попыток добиться либерализации и усиления контактов с Европой официальным путём, в Польше стали возникать подпольные организации, стремящиеся к освобождению от советского контроля и декларирующие европейскую ориентацию страны. Так, в программном документе конспиративного «Польского соглашения о независимости» в 1976 году говорилось: «Польский народ и государство исторически принадлежат к большой семье стран Западной и Центральной Европы, наследников греко-латинской и христианской цивилизации. Мы обязаны продолжать эти бесценные традиции, укрепляя связи с духовно близкими нам странами»⁸⁸. Помимо содержания европейской идеи (историко-культурного и духовного) нам здесь интересно то, что понятие «Центральная Европа», особенно популярное в 1980-е гг.⁸⁹, помогало

⁸³ Polska refleksja. 2007. С. 242.

⁸⁴ Wrzesiński 2004. С. 124-125.

⁸⁵ Там же. С. 124.

⁸⁶ Там же. С. 125, 127.

⁸⁷ Кув 2003. С. 12.

⁸⁸ Цит. по: Wrzesiński 2004. С. 136.

⁸⁹ Кув 2003. С. 12-13; Миллер 1996.

декларировать приверженность к Европе Западной, одновременно отделяя себя от Советского Союза. Однако доминирующим всё-таки оставалось деление Европы на Восточную и Западную, которое использовалось и противниками Советской власти – тем более что, несмотря на условия холодной войны, эти понятия всё-таки имели общую «европейскую» составляющую, неизбежно наводившую на мысли не только о различиях, но и об общности. Этого не даёт, например, дихотомия «восток-запад» или «социалистический/капиталистический лагерь». Так, одна из радикальных группировок, близких «Солидарности», говорила о «солидарности с остальными угнетёнными странами Восточной Европы, но вместе с тем – о поиске общности с демократическими странами Западной Европы»⁹⁰. О единстве разделённой Европы много говорил Папа Римский Иоанн Павел II (поляк Кароль Войтыла), и, хотя в своей знаменитой цитате о равно необходимых «двух лёгких Европы» он имел в виду религиозное разделение, этот образ и идея, очевидно, приобрели в 1980-е годы и политическое содержание.

Говоря о теме Европы в польской общественной мысли в период ПНР, следует отметить, что ведущую роль в ней сыграли, пожалуй, не подцензурные публикации в самой Польше, а эмигрантская публицистика, особенно знаменитая парижская «Культура» Ежи Гедройца. В ней преобладают рассуждения о сущности, проблемах, судьбе Европы безотносительно Польши – так сказать, космополитичный взгляд, не ориентированный на национальные интересы. В этом же ключе происходит и глубокое осмысление описанных выше исторических стереотипов, касающихся роли Польши в Европе. Вот, например, как писал в 1952 г. Ю. Мерошевский: «...мы должны начать рассматривать польскую историю как фрагмент истории Европы, потому что до сих пор было наоборот – мы всегда рассматривали историю Европы с точки зрения партикулярных польских интересов. Наша историческая литература кишит утверждениями и детальными аргументами в пользу того, что Польша – краеугольный камень Европы, что Европа не может существовать без сильной Польши, что мы столп и условие “sine qua non” европейского порядка. В действительности это лишь провинциальное wishful-thinking, “слоновья болезнь” регионального самоощущения. Восхитительная Европа XIX века... существовала без независимой Польши. Не только существовала, но и процветала. Пора наконец покончить с анахронизмом “краеугольного камня и форпоста Европы”»⁹¹.

⁹⁰ Цит. по: *Wrzesiński* 2004. С. 138.

⁹¹ *Polska refleksja*. 2007. С. 342.

Однако представление о безусловной принадлежности к Европе, общности европейских интересов и избавление от национальной «мании величия» совсем не отменяло представления о Восточной Европе как об особом историческом регионе, обладающем своей спецификой, а не просто «отстающем». Наверное, одним из ярчайших примеров развития этой темы в польской общественной мысли стало автобиографическое эссе Чеслава Милоша «Родная Европа»⁹². Его можно считать в каком-то смысле полемическим: глубоко привязанный к родным местам и при этом считающий себя европейцем, Милош ставит одной из своих задач показать западноевропейцам восточную часть их собственного континента, которая является для них *terra incognita*⁹³. Не повторяя стереотипы эпохи романтизма о «Христе народов» и «форпосте Европы», он, тем не менее, подчеркивает значимость восточноевропейского опыта для Европы в целом. Этот опыт не лучше западноевропейского, но он своеобразен и не является лишь признаком отставания, как это иногда считается. И этот опыт является в той же мере «настоящим европейским», что и история Франции, Великобритании и др., а значит – западноевропейцам стоит знать и понимать Восточную Европу так же хорошо, как восточноевропейцы знают западную – такова идея Милоша. В некоторой двойственности его взглядов, внутреннем конфликте между желанием быть (и считаться) полноценным европейцем, восхищением культурой Запада и приверженностью к своему региону, подчёркиванием его значимости для всей Европы, можно (при всех глубоких различиях идеологии, риторики и аргументации) увидеть переключку с Мицкевичем – недаром сам автор во введении называет его своим «духовным покровителем»⁹⁴. Неудивительно и то, что оба они – политические эмигранты, однако если эпоха разделов, как писалось выше, способствовала вливанию Польши в европейское единство, то в годы после Второй мировой войны тенденция была обратная. Именно поэтому Милош столько внимания уделяет подчёркиванию связей Восточной Европы с Западной, в том числе – через свой личный опыт межвоенного двадцатилетия. Ему важно показать, что существование «железного занавеса» – противоестественная ситуация, разрезание «по живому» пространства, единого в истории и в его личной памяти. Подчёркнём, что, в отличие от Мицкевича и многих других, Милош пишет о Восточной Европе в целом – Польша находится в центре повествования в первую

⁹² Милош 2011.

⁹³ Там же. С. 12.

⁹⁴ Там же. С. 5.

очередь в силу его автобиографического характера, но не наделяется сама по себе никакой особой ролью.

Новую страницу в истории – в том числе истории отношений Польши с Европой – открыло в 1980-е гг. движение «Солидарность». Его деятельность сделала Польшу первой страной, покинувшей соцлагерь, и способствовала аналогичным переменам в других странах Восточной Европы. Это стало восприниматься поляками не просто как собственное «возвращение в Европу», но и как ключевой вклад в процесс объединения двух частей континента и становление его нового устройства. Такое видение хорошо сочеталось с известным нам историческим представлением об особой роли Польши в Европе, о борьбе «за вашу и нашу свободу» и даже о том, что судьба Европы в целом зависит от участи Польши. Поэтому, конечно, переосмысление исторических стереотипов национальной, тем более эмигрантской элитой ни в коем случае нельзя считать полным их исчезновением.

В конце 1980-х гг., по словам знаменитого американского политолога польского происхождения Збигнева Бжезинского, «понятие «Европа» обрело более широкое значение, охватило более широкую реальность»⁹⁵. В этой новой реальности политическое положение Польши начало, наконец, приходить в соответствие с её культурной идентификацией. «Объединение Германии ускорило процесс сближения Польши с Западной Европой, определив польский государственный интерес и присутствие Польши в рамках интегрированной, демократической, свободной Европы. <...> В видении польских политиков Евросоюз как политико-экономико-культурное единство стал общностью объединённых народов и государств, строящих демократический порядок... Признавая единство происхождения европейских идеалов, в их многочисленности видели, однако, место для польской традиции, без доминирования одной группы над другой»⁹⁶.

В этот период, с его повсеместным представлением о биполярном мире, стремление Польши «в Европу» не просто было следствием желания освободиться от доминирования СССР – оно было его синонимом. «Для нас, европейцев за “железным занавесом”, идея Европы была просто противоположностью коммунистическому проекту», – писал позднее знаменитый польский диссидент Адам Михник⁹⁷. Содержанием понятия «Европа» была не только культурная, в узком

⁹⁵ Цит. по: *Wrzesiński* 2004. С. 139.

⁹⁶ *Wrzesiński* 2004. С. 139.

⁹⁷ *Михник* 2003. С. 50.

смысле, общность, и не столько собственно экономическое или политическое устройство, сколько базовые ценности: «правда, справедливость, достоинство. При этом предполагалось, что с Европой связана гарантия свободы человека в реализации этих ценностей»⁹⁸. Эта идеалистичная картина, разумеется, имела глубокие корни в польском сознании, однако именно в этот момент приобрела особую актуальность.

Однако уже тогда многие стали понимать, что долгожданное «возвращение Польши в Европу», разумеется, не может быть быстрым и определённым процессом. «В сознании поляков существует комплекс распространённых, хотя и не всегда ясных, взглядов относительно принадлежности Польши к Европе... Принадлежит ли на самом деле Польша к Европе...? По политическому устройству – нет, по сути своих традиций – да; по сути общественных отношений – только частично; по стремлению большинства её жителей – в намного большей степени; по своим институтам – за исключением Католической церкви и некоторых объединений деятелей культуры – почти вовсе нет; по повседневной интеллектуальной деятельности учёных, художников, писателей, священников – в большей степени», – так оценивали положение вещей в 1989 г. деятели «Польского соглашения о независимости»⁹⁹.

Таким образом, если в предшествующие годы доминировало упрощённое представление о том, что Польша – сугубо европейская по культуре страна, полноценному существованию которой мешают лишь навязанные извне условия биполярного мира, то теперь оказалось, что реальный разрыв с «настоящей» Европой, возникший/усугубившийся за время коммунистического правления, слишком велик. Принадлежность Польши к Европе из абстракции, идеала превратилась в ряд конкретных параметров, по которым ещё только предстояло нагнать «старших товарищей», а результатом этого процесса должно было стать включение в реальные политические структуры¹⁰⁰, которое знаменовало бы признание полноценной «европейскости». Такая ситуация, смешивающая надежды и национальные комплексы, породила бурные дискуссии о Европе и европейскости в польской общественной мысли.

В независимой Польше мы можем наблюдать две тенденции. Во-первых, это естественное в подобной ситуации развитие евроскептицизма, пришедшее на смену почти всеобщей эйфории. Хотя для многих «теперь ещё раз оказалось, что Европа с её богатым культурным насле-

⁹⁸ *Wrzesiński* 2004. С. 140.

⁹⁹ Цит. по: *Wrzesiński*. 2004. С. 140.

¹⁰⁰ Там же. С. 141.

дием – вторая Родина поляков»¹⁰¹, не для всех это «возвращение» стало таким долгожданным. По словам Ф. Жейки, в послекоммунистические годы заявили о себе «плохие стороны сарматской традиции», под которыми он понимает крайне правые настроения, представление о национальной исключительности поляков и изоляционизм в отношении не только постсоветского пространства, но и стран Запада. Носители этих идей «не скрывают возрастающей в них едва ли не с каждой минутой неприязни по отношению к иностранцам и к Европе»¹⁰².

Впрочем, не только среди идейных правых, но в среде обывателей стал формироваться евроскептицизм. Он стал естественным следствием знакомства с «реальной» Европой, которая неизбежно отличалась от идеала, укрепившегося за время советской власти. Кроме того, не стоит забывать о знаменитом польском патриотизме, который является одной из самых популярных черт автостереотипа¹⁰³ и до некоторой степени препятствует развитию мощных наднациональных идентичностей.

По мнению Жейки, из идеи о крестьянском, исконно-славянском наследии, восходящем к работам классика польской этнографии З. Доленги-Ходаковского, «происходит чётко выражаемая народными политиками неприязнь к Европе и ценностям, которые она выражает. Под предлогом заботы о состоянии польского крестьянства эти политики, а также близкие им публицисты и журналисты создают у своих избирателей чёрный образ Европы. Возможная экономическая и культурная интеграция Польши со странами Западной Европы должна обозначать – в их интерпретации – окончательную катастрофу польской деревни»¹⁰⁴.

Вторая тенденция состоит в том, что после глобальной геополитической переориентации на Запад представление о Европе в Польше стало переходить в более практическую плоскость, обрастая конкретными деталями, подлежащими предметному обсуждению. В первую очередь, разумеется, речь идёт о социально-экономических вопросах, а также о политике. Безусловно, и сторонники, и противники евроинтеграции (подчеркнём условность этого деления) апеллируют и к абстрактным идеальным категориям историко-культурного характера, однако всё большее значение стали приобретать её конкретные формы и возможные последствия. Из утопического конструкта Европа превращается в конкретную политическую категорию – спорную и многогранную.

¹⁰¹ Ziejka 1998. С. 25.

¹⁰² Там же. С. 29.

¹⁰³ См., например: Чубарова 2008.

¹⁰⁴ Ziejka 1998. С. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

- Polska refleksja nad Europą. Wybór tekstów / Red. J. Nowak, R. Owadowska, K. Wrześnińska. Poznań; Warszawa: Instytut Sławiści PAN, 2007. 425 s.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. с польского и комментарии С.А. Аннинского. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 288 с.
- Милов Ч. Родная Европа / Пер. с польского К. Старосельская. М.: Летний сад, 2011. 287 с.
- Полевые материалы автора (ПМА) по результатам социо-антропологического исследования в Польше в феврале-марте и июне-июле 2010 года (личный архив).

Литература:

- Domańska E. [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) // Myth and memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and beyond / Ed. by Bo Strath. Brussels: P.I.E./Peter Lang, 2000. P. 249-262.
- Goliński M. Polska a Europa w dobie Jagellonów i pierwszych królów elekcyjnych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 33-42.
- Hauser P. Polska odrodzona w Europie // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 75-86.
- Jedlicki J. Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują. Warszawa: PWN, 2002. 378 s.
- Juchler J. Swoistość historii Polski – próba podsumowania z zewnątrz // Obicza polkości / Red. Antonina Kłoskowska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990. S. 53-71.
- Kalembka S. Polska a Europa w okresie Świętego Przymierza // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 51-58.
- Kulak T. Europa wobec polskich dążeń niepodległościowych na przełomie XIX i XX wieku // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 59-74.
- Prokop J. Polak jaki jest nie(ch) każdy widzi. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. 204 s.
- Rojek W. Europa i stany zjednoczone wobec polskich dążeń niepodległościowych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 87-114.
- Tazbir J. W pogoni za Europą. Warszawa: Sic!, 1998. 294 s.
- Wierzbiński A. Naród – państwo w polskiej myśli historycznej dwudzieściolecia międzywojennego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 173 s.
- Wrześniński W. Polska "zniewolona" a Europa // Polska a Europa (X–XX wiek) / red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 115-142.
- Ziejka F. Ojczyzna Polaków // Słowianie wobec integracji Europy / Red. Maria Bobrownicka. Kraków: Tow. Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1998. S. 23-44.
- Борко Ю.А. От европейской идеи к единой Европе. М.: «Деловая литература», 2003. 464 с.
- Историко-культурные основы европейской цивилизации / Ред. Т.М. Фатеева. М.: ИНИОН РАН, Институт всеобщей истории. Центр по изучению европейской цивилизации, 1992. 180 с.

- Киш И.* Новое открытие Центральной Европы // Центрально-европейский ежегодник. Сборник статей и документов. Вып. 1. Международные отношения и безопасность / Сост. И. Киш, науч. ред. Т.А. Шаклеина / М.: Логос, 2003. С. 12-18.
- Ле Гофф Ж.* Рождение Европы / Пер.с франц. А. Поповой. СПб.: Александрия, 2008. 400 с.
- Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.
- Миллер А.И.* Об истории концепции «Центральная Европа» // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 4-25.
- Михник А.* Исповедь покаянного диссидента // Центрально-европейский ежегодник. Сборник статей и документов. Вып. 1. Международные отношения и безопасность / Сост. И. Киш, науч. ред. Т.А. Шаклеина / М.: Логос, 2003. С. 44-53.
- Мочалова В.В.* Миф Европы у польских романтиков // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Роксандич Д.* «Европа граждан», Средняя Европа и границы Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 128-136.
- Сюч Е.* Три исторических региона Европы // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 147-265.
- Тымовский М., Кеневич Я, Хольцер Е.* История Польши / Пер. с польского В.Н. Ковалёв, М.А. Корзо, М.В. Лескинен. М.: «Весь мир», 2004. 554 с.
- Фалькович С.М.* Значение фактора Европы для истории, культуры, общественного сознания и менталитета поляков // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Филатова Н.* Европа в историософии А. Мицкевича и К. Бродзиньского // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Хорев В.А.* Русский европеизм и Польша // Миф Европы в литературе и культуре Польше и России. М.: Индрик, 2004. 304 с.
- Чубарова В.В.* Поляки собственными глазами и глазами русских // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 206. М.: ИЭА РАН, 2008. 30 с.
- Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории. М.: «Международные отношения», 1987. 352 с.

BIBLIOGRAFIJA

- Domańska E.* [Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland) // Myth and memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and beyond / Ed. by Bo Strath. Brussels: P.I.E./Peter Lang, 2000. P. 249-262.
- Goliński M.* Polska a Europa w dobie Jagellonów i pierwszych królów elekcyjnych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 33-42.
- Hauser P.* Polska odrodzona w Europie // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrześniński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 75-86.
- Jedlicki J.* Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują. Warszawa: PWN, 2002. 378 s.
- Juchler J.* Swoistość historii Polski – próba podsumowania z zewnątrz // Obicza polkości / Red. Antonina Kłoskowska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 1990. S. 53-71.

- Kalemka S.* Polska a Europa w okresie Świętego Przymierza // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 51–58.
- Kulak T.* Europa wobec polskich dążeń niepodległościowych na przełomie XIX i XX wieku // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 59–74.
- Prokop J.* Polak jaki jest nie(ch) każdy widzi. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. 204 s.
- Rojek W.* Europa i stany zjednoczone wobec polskich dążeń niepodległościowych // Polska a Europa (X–XX wiek) / Red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 87–114.
- Tazbir J.* W pogoni za Europą. Warszawa: Sic!, 1998. 294 s.
- Wierzbicki A.* Naród – państwo w polskiej myśli historycznej dwudzieściolecia międzywojennego. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. 173 s.
- Wrzesiński W.* Polska "zniewolona" a Europa // Polska a Europa (X–XX wiek) / red. W. Wrzesiński. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. S. 115–142.
- Ziejka F.* Ojczyzna Polaków // Słowianie wobec integracji Europy / Red. Maria Bobrownicka. Kraków: Tow. Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1998. S. 23–44.
- Borko Ju.A.* Ot evropejskoj idei k edinoj Evrope. M.: «Delovaja literatura», 2003. 464 s.
- Istoriko-kul'turnye osnovy evropejskoj civilizacii* / Red. T.M. Fateeva. M.: INION RAN, Institut vseobshhej istorii. Centr po izucheniju evropejskoj civilizacii, 1992. 180 s.
- Kish I.* Novoe otkrytie Central'noj Evropy // Central'no-evropejskij ezhegodnik. Sbornik statej i dokumentov. Vyp. 1. Mezhdunarodnye otnoshenija i bezopasnost' / Sost. I. Kish, nauch. red. T.A. Shakleina / M.: Logos, 2003. S. 12–18.
- Le Goff Zh.* Rozhdenie Evropy / Per.s franc. A. Popovoj. SPb.: Aleksandrija, 2008. 400 s.
- Leskinen M.V.* Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacional'noj ideologii Rechi Pospolitoj. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2002. 178 s.
- Miller A.I.* Ob istorii koncepcii «Central'naja Evropa» // Central'naja Evropa kak istoricheskij region / Otv. red. A.I. Miller. M.: Institut slavjanovedenija i balkanistiki, 1996. S. 4–25.
- Mihnik A.* Ispoved' pokajannogo dissidenta // Central'no-evropejskij ezhegodnik. Sbornik statej i dokumentov. Vyp. 1. Mezhdunarodnye otnoshenija i bezopasnost' / Sost. I. Kish, nauch. red. T.A. Shakleina / M.: Logos, 2003. S. 44–53.
- Mochalova V.V.* Mif Evropy u pol'skich romantikov // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.
- Roksandich D.* «Evropa grazhdan», Srednjaja Evropa i granicy Evropy // Central'naja Evropa kak istoricheskij region / Otv. red. A.I. Miller. M.: Institut slavjanovedenija i balkanistiki, 1996. S. 128–136.
- Sjuch E.* Tri istoricheskikh regiona Evropy // Central'naja Evropa kak istoricheskij region / Otv. red. A.I. Miller. M.: Institut slavjanovedenija i balkanistiki, 1996. S. 147–265.
- Tymovskij M., Kenevich Ja, Hol'cer E.* Istorija Pol'shi / Per. s pol'skogo V.N. Kovaljov, M.A. Korzo, M.V. Leskinen. M.: «Ves' mir», 2004. 554 s.
- Fal'kovich S.M.* Znachenie faktora Evropy dlja istorii, kul'tury, obshhestvennogo soznanija i mentaliteta poljakov // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.

- Filatova N. Evropa v istoriosofii A. Mickevicha i K. Brodzin'skogo // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.
- Horev V.A. Russkij evropeizm i Pol'sha // Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'she i Rossii. M.: Indrik, 2004. 304 s.
- Chubarova V.V. Poljaki sobstvennymi glazami i glazami russskih // Issledovanija po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii. Vyp. 206. M.: IJeA RAN, 2008. 30 s.
- Chubar'jan A.O. Evropejskaja ideja v istorii. M.: «Mezhdunarodnye otnoshenija», 1987. 352 s.

Чубарова Валентина Викторовна, научный сотрудник Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (ВНЦСА РГГУ); valiko86@gmail.com

The place and role of Poland in Europe as seen by the Poles

In XVI-XVII centuries in the szlachta environment the specific myth about Poland appeared. According to it, Poland was a bulwark of Europe protecting it from danger from the East. After the partitions of Poland, the image of “The Christ of nations” arose: the nation on whose resurrection the future of the whole Europe depends. However, there was the opposite idea either: it was about the backwardness of the country, the necessity to develop to the western level. The obtainment of independence largely actualized the old myths – Poland seemed again to be the country that had the special role for the whole Europe. The events of WWII were respectively perceived as the Poland’s new sacred victim. Later the overcoming of the old stereotypes strengthened. The country that was politically separated from the Western Europe recognized its cultural solidarity with it: the farther the more, it did not claim any special role anymore.

Keywords: Poland, identity, Europe, Central Europe, national myths, European identity, history of Poland.

Chubarova Valentina Viktorovna, Center of Social Anthropology, Russian State University for the Humanities, researcher valiko86@gmail.com